

Мария Куприянова

Тот самый шаг

2017
Санкт-Петербург

Мария Куприянова

Тот самый шаг

«Selfpub.ru»

2017

Куприянова М.

Тот самый шаг / М. Куприянова — «Selfpub.ru», 2017

Когда именно решилась Касина судьба? Какой день из череды других, совершенно таких же, оказался роковым? Ведь даже совершая благородный поступок никогда нельзя быть уверенным, какой путь мы выбрали, делая тот самый шаг...

© Куприянова М., 2017

© Selfpub.ru, 2017

ISBN 978-5-600-01775-7

*Свой путь должна пройти душа.
И каждого, в свой час и срок,
Судьба направит, не спеша,
На перекресток трех дорог.
Не сознавая, что творит,
Всего на миг замрет душа,
Окинет взглядом бранный мир
И сделает тот самый шаг...*

Часть 1

Глава 1

—А он что?

—А он как за дуру меня держит! Начал опять эту «песню», типа, «бла-бла-бла, люблю тебя одну, это все злые языки, ничего небыло...». Ну я ему такая и говорю...

Фонари отражались в зеркале мокрого асфальта ночной дороги, бегущей навстречу автомобилю. Они сливались в отражении в сплошную желтую линию и создавалось ощущение

ние, что машина несется по взлетной полосе аэродрома. «Вот бы и вправду взлететь сейчас, как на самолете, и улететь туда, где тепло и пахнет морем...»— думала Кася, легко входя в очередной поворот на загородном шоссе и продолжая машинально прислушиваться к монологу подруги по громкой связи. Благо, София (кстати, никаких сокращений в своем имени она не терпела!) не нуждалась в активном участии своей подруги в этом разговоре— ее голос тек ровным журчанием, не перебивая нестройный строй мыслей Каси, в подробностях передавая очередной тяжелый скандал и расставание с ее молодым и очень темпераментным любовником. К слову сказать, такие «тяжелые» моменты случались в их совместной жизни весьма и весьма регулярно и развивались по вполне определенному сценарию, являя собой классический образец законченного произведения— завязку (чаще всего она происходила «внезапно и неожиданно», путем систематического просматривания мобильного телефона своего мужчины и обнаружения таким образом очередной пассии любимого). Далее шел пик сюжета (ибо, обнаружив наличие другой женщины в их жизни, София не могла стерпеть подобное предательство и устраивала жуткие сцены, сопровождаемые, зачастую, насилием и рукоприкладством с ее стороны, что при росте Софии в сто пятьдесят четыре сантиметра и поистине канареечном весе выглядело, скорее, как попытки божьей коровки затоптать неудачно упавшего слона). И, соответственно, катарсис (потому что каждый раз София великодушно прощала своего любимого и свято верила, что больше такого не повторится). От Каси, собственно, требовалось время от времени подавать голос, глубокомысленно хмыкать и поддакивать стенаниям подруги. Чем она и занималась, сосредоточенно ведя свою машину по поливаемой дождем трассе.

Лето в этом году выдалось просто отвратительным— дожди шли каждый день и изменения погоды означали только смену мелкой противной мороси на проливной ливень с порывами штормового ветра. Холодные промозглые дни сменялись не менее холодными и промозглыми вечерами, перелистывая на календаре летние месяцы. Конец августа не принес никаких неожиданностей в этой бесконечной череде мокрых дней— было все также противно и холодно. Поневоле хотелось произнести: «ладно, с этим летом все понятно— давайте уже сюда вашу осень». Легкая депрессия и пасмурное настроение стало постоянным спутником большинства горожан на этот сезон. И Кася не была исключением. А так и не распакованные до сегодняшнего дня новые босоножки на сногшибательном каблуке и бесконечные свитера в ежедневном гардеробе не добавляли оптимизма и легкости ее и без того не самому легкому характеру. В дополнение ко всему, Марк уже месяц как пропадал в турне со своим симфоническим оркестром и его редкие звонки также не приносили приятных эмоций— Марк привычно жаловался на ужасные условия размещения, на непонимание его таланта руководством, на «наглый тромбон» ну и еще на целый список деталей, не достойных его высокого таланта и нежной душевной организации. Откровенно говоря, последние полгода Кася уже не единожды собиралась прекратить эти нездоровые отношения, в которых она все меньше ощущала себя любимой женщиной и все больше суррогатом мамочки, вынужденной постоянно выслушивать бесконечные жалобы, утирать слезы и дуть на ушибленные коленки (образно выражаясь). Ситуацию усугубляли также регулярные звонки настоящей мамочки Марка, которая была свято убеждена в гениальности своего подросткового, но не вылетевшего из под родительского крыла чада. Кася же, в ее понимании, конечно, была не достойна даже вытирать пыль с ботинок великого музыканта и должна была почитать за честь ежедневное служение гению мужчины, чьей спутницей ей посчастливилось стать, по непонятной маме причине. Такие мелочи, как обеспечение основной части семейного бюджета и ведение домашнего хозяйства той не учитывались. А, между тем, именно она, Кася, подписывалась на неподъемные часы репетиторства в дополнение к своей основной работе переводчика в крупной корпорации, брала в перевод научные труды, сложные для понимания даже на исходном языке, и слащавые, а порой и откровенно неприличные, любовные

романы. Часто она засиживалась до утра, перепечатывая страницы текста, который грозил расплыться перед глазами в неясное пятно, уже давно толком не понимая сути того, что она печатает. Совершая очередной «подвиг» она каждый раз обещала себе, что все это в последний раз— не женское дело столько работать! Она не собирается ни ограничивать себя в потребностях, ни подвергать испытаниям свои возможности! Хватит! Пора это прекратить! Каждый раз после этого Кася злилась, хамила мамочке, порывалась уйти, но, в конце концов, сдавалась и рассыпалась в привычных извинениях с последующим искуплением своей вины самыми различными способами— от покупки неоправданно дорогого футляра для скрипки Марку, до ужасающе безвкусной фарфоровой сахарницы, которая «так подходила к старинному бабушкиному сервизу» для его мамы, чем заслуживала благосклонный кивок с поджатыми губами от мамочки и великодушный поцелуй в лобик, с обязательным усталым вздохом, от Марка. После такого примирения Кася на несколько недель затихала, корчась в душе от отвращения и брезгливости к самой себе, глотая рыдания под душем и стыдливо пряча покрасневшие глаза от Марка, который благородно не замечал этих «истеричных припадков». Объяснить причину такого поведения даже самой себе Кася не могла— то ли просто боялась одиночества, то ли от бесконечной усталости мирилась с текущим положением вещей, понимая, что скандал тоже требует сил, которых у нее попросту уже не было. «Но как только он вернется из своего турне я все закончу! Сразу же и бесповоротно!» Кася даже стукнула кулачком по рулю, в пылу собственной убежденности, попав при этом по клаксону и вызвав слабый хриплый гудок автомобиля.

—Это что было? Звук какой-то и стук... Ну ладно. О чем я? А, ну да-стук... Короче, он все стучал в дверь и стучал... Но я не открыла! И знаешь, я приняла решение— не прощу! Сколько раз я слышала эти отговорки, это бесконечное вранье... Все! Я решила— я все это закончу! Окончательно! Раз и навсегда!

Кася даже дернулась, услышав в монологе Софии собственные озвученные решения и тут же приуныла— если мысли у них с подругой одинаковые, может и настрой на действия тоже? А если так, то, памятуя о том, сколько раз Кася слышала от Софии подобные речи, наверное, это такой же самообман, как и принципиальная позиция подруги. И никуда они не денутся... Ни София от своего «моложавого кобеля», ни она, Кася, от инфантильного музыканта с его истеричной мамашей. Не хватит силы духа. Не хватит решимости...

—А почему раньше прощала? Это ведь не в первый раз— чуть не застав от осознания собственной позорной трусости спросила Кася.

—Да фиг его знает— послышался усталый вздох Софии на другом конце «провода»— может по дурости... А вообще, знаешь, мы с ним уже притерлись как-то, привыкли друг к другу... Я как подумаю, что если мы расстанемся мне опять надо начинать какие-то отношения, снова эти свидания, строить из себя невесту что, следить, чтобы ноги не зарастали...

«Вот и вся причина»— подумала Кася, уныло всматриваясь в лобовое стекло— «и нет никакого глубокого смысла и скрытых тайных мотивов. Банальная лень и разочарование...»

Кася устало вздохнула и включила поворотник, перестраиваясь в правый ряд, чтобы пропустить несущийся на бешеной скорости автомобиль, неуклонно нагоняющий ее и истерично мигающий дальним светом. Габаритный джип пронесся мимо, обдав лобовое стекло Кашиного автомобиля водопадом грязной воды из дорожной колеи.

— Придурок— процедила сквозь зубы девушка, включая «дворники» на интенсивное движение. Ливень закончился, сменившись привычной противной моросью, и датчик дождя только успел сменить активность на умеренную.

—Вот именно! Это еще слабо сказано! А эта его курица вообще образец идиотизма! Представь: она пишет ему в три часа ночи...— продолжала свой эмоциональный терроризм София.

В это время черный гранд чероки, пронесшийся на сумасшедшей скорости мимо мгновение назад, неожиданно резко вильнул в сторону. Колеса машины заскользили по асфальту и, попав в очередную колею, на полном ходу ввели автомобиль в аквапланирование и последующий юз по влажной поверхности дороги. Джип несколько раз крутанулся вокруг своей оси и, на полном ходу, упал в кювет по ходу движения машины, въехав носом на полной скорости в ствол огромной сосны в придорожной канаве. Корпус автомобиля подпрыгнул и вновь встал на задние колеса, оставив машину стоять кабиной вниз под углом в сорок пять градусов. Сосна осыпала джип водопадом дождевой воды, опавших иголок и мелких веток.

Глава 2

Кася громко взвизгнула и вывернула руль в противоположную от вертящегося автомобиля сторону. Ее мерседес послушно отреагировал на неожиданный маневр и экстренное торможение, выехав на встречную полосу, и, развернувшись, как вкопанный замер на обочине дороги.

—Что случилось!? Эй! Кась, все нормально? Что это было???— взволнованно кричала по громкой связи София— Ты там как?

—Я... да, все нормально. Я сейчас перезвоню— хрипло проговорила Кася— Я, кажется, съехала в кювет. Перезвоню...

—Перезвони обязательно! Я волнуюсь!— продолжала София, но Кася уже отключила связь.

Руки слегка дрожали. Она опустила голову на руль и громко выдохнула.

—Дебил!— зло прохрипела Кася и подняла с руля голову, сосредоточив взгляд на автомобиле— виновнике происшествия. Машина все еще, естественно, лежала в канаве. Куда она денется за минуту! Над мокрым мятым капотом поднимался легкий дымок, подсвечиваемый далеким светом дорожного фонаря. В темноте не было видно кабины автомобиля, но двери были закрыты и никакого движения за стеклом не наблюдалось.

—Он там живой, вообще??— со страхом в голосе вслух произнесла Кася и начала непослушными пальцами судорожно отстегивать ремень безопасности. Чуть не сломав длинный розовый ноготь, впопыхах открывая дверь, она, неуклюже, буквально вывалилась из машины на мокрую дорогу, едва устояв на тонких шпильках своих новых, впервые за лето распакованных босоножек. Кожа голых плеч тут же покрылась противными мурашками, напомнив, что в машине было нещадно натоплено, по причине слишком легкой одежды водителя. Ибо, окончательно устав от бесконечного дождя и пасмурного неба, сегодня Кася одела легкий голубой шифоновый сарафан, который тоскливо висел в шкафу все лето, так и не дождавшись подходящей погоды. Сегодня, назло отвратительному дождю и вспомнив, что уже конец августа и дальше ждать нечего, Кася оделась в вышеупомянутый сарафан и легкие босоножки. Захватив с собой кашемировый кардиган, Кася решила, что справится с непогодой и холодом, о чем уже несколько раз успела пожалеть. Сперва в загородном доме родителей своего ученика, репетитором которого она являлась. Так как все 3 часа интенсивных занятий шестнадцатилетний раздолбай не сводил масляных глаз то с ее декольте, которое она едва успевала прикрывать тем самым кашемировым кардиганом, то с ее голых коленей, с которых упорно соскальзывал подол сарафана. В итоге падежи и глаголы сумбурно путались в юношеской голове, отягощенной гормональными всплесками и голубым шифоном, и занятие прошло, по меньшей мере, бездарно. Потом отец ее подопечного настойчиво предлагал ей посидеть у камина и согреться, хотя эту идею явно не поддерживала мать ученика, старающаяся корректно и быстро выпроводить оголенную репетиторшу из дома, намекая на весьма поздний час и дальний путь, ожидавший девушку из пригородного дома в городскую квартиру. А вот теперь жалеть о легком наряде заставляла августовская холодная ночь и противная морось, упорно сыплющаяся с неба на голые плечи Каси. Натянув сразу ставший влажным кардиган, Кася, на плохо слушающихся ногах, побежала к съехавшему в

кювет автомобилю. Каблуки увязли в размытой земле, стоило девушке ступить с асфальта на мокрую обочину дороги. Открытые пальцы ног в босоножках инстинктивно поджались, соприкоснувшись с мокрой землей и чавкающей жижей размытого кювета. В кабине разбитого автомобиля было темно и тихо. Сработавшая подушка безопасности (и, видимо, не одна!) скрывала лицо пострадавшего водителя. Он лежал лицом на руле и не двигался. Между тем, легкий дымок над капотом автомобиля стал явно гуще и темнее. До носа Каси донесся неприятный запах паленой резины и пластика. Она легко постучала в водительское окно, опущенное на треть, костяшкой указательного пальчика.

—Эй! Вы там живы?— громко спросила она.

Ответа не последовало. Человек в машине не шевелился и не отвечал. Кася почувствовала судорожные всполохи паники. Покойников она боялась до ужаса.

—Простите, я могу вам помочь?— снова спросила она дорожащим голосом и опять постучала в стекло. В машине раздался тихий стон. Кася облегченно выдохнула.

—Уффф! Вы живы!!! Как Вы? Я могу помочь? Вы можете выйти из машины?— одновременно дергая на себя ручку двери продолжала спрашивать она. Человек за рулем постарался поднять голову, но подушка безопасности, заполнившая все свободное пространство, сильно ему мешала. В этот момент неожиданно ручка поддалась и дверь распахнулась наружу вместе с облачком белого талька. Одновременно с потоком воздуха с улицы, в салон автомобиля стал проникать дым через щели приборной панели. Из под капота вылез первый робкий язычок пламени. Кася истерично взвизгнула и начала тормозить мужчину за плечо:

—Очнитесь же! Что с Вами?! Надо срочно выбираться!

Человек снова застонал и приоткрыл глаза:

—Что произошло?— хрипло произнес он, щурясь и морща нос от запаха дыма.

—Надо срочно уходить! Ваш автомобиль, похоже, горит! Выходите же!

Человек дезориентированно оглядывался вокруг, поверх неуклонно сдувающей подушки безопасности. Он судорожно закашлялся, задохнувшись взвесью талька из аирбэга, и продолжил непонимающе всматриваться в темноту за окнами. Между тем, запах гари усиливался.

От момента столкновения чероки с ни в чем не повинной сосной прошло, примерно, уже минут семь. Сколько там горит автомобиль? Понимая, что счет идет на минуты, Кася злобно чертыхнулась и начала пролезать между рулем и пассажиром, собираясь отстегнуть тому ремень безопасности.

Ян никак не мог прийти в себя. Ощущение было похоже на попытку проснуться после длительной попойки, когда только с рассветом падаешь за смертью на кровать, а уже, кажется, через миг начинает надрываться будильник, который ну никак нельзя проигнорировать именно сегодня. Перед глазами кружили противные мошки, во рту стоял металлический привкус крови, а голова болела тупой тошнотворной болью, от чего ломило глаза и сильно раздражал свет далекого уличного фонаря. Еще сильнее раздражало, что он никак не мог сосредоточиться и понять где он, что произошло и что от него требует этот дерганый подросток, который так неприятно трясет его за сильно ноющее плечо.

Кусок событий никак не хотел восстанавливаться в общей картине последнего получаса. Вот он только что летел по мокрой дороге, пытаясь одновременно поймать падающий и истерично верещащий мобильный, а вот он уже смотрит в темную чащу промокшего леса через разбитое лобовое стекло автомобиля и старается вздохнуть болящей грудью клубящуюся пыль в воздухе салона и морщась от высоких нот в голосе, понять смысл обращенных к нему фраз. Промозглый ветер бросил в лицо его спасителю очередную порцию дождевых брызг и взметнул из-за спины темную массу длинных слипшихся от воды прядей. «Это девушка!»— почему-то удивился Ян. Она причина аварии? Сам он имел за плечами

весьма внушительный водительский стаж и даже теоретически не мог представить ситуацию, в которой он по собственной вине на практически пустой трассе мог бы улететь в кювет.

В этот момент девушка, решив видимо, что не достучалась до его сознания, перешла к активным действиям.

—Что вы делаете?— хрипло и как-то немного испугано спросил Ян, вжимаясь корпусом в сиденье.

—Пытаюсь Вас отстегнуть и вытащить!— раздался приглушенный голос с уровня его колен. Дамочка активно ввинчивалась между ним и приборной панелью, некорректно пытаясь опереться ужасно острым локтем о его колени (периодически промахиваясь в весьма опасное для такого промахивания место), а голой коленкой о край водительского кресла. Длинные пряди мокрых волос свешивались ей на лицо, закрывая обзор и усложняя и без того сложный в такой неудобной позе процесс— да втяните же живот, что ли! Ай, твою мать! Сломала ноготь, все-таки!— продолжался яростный бубнеж снизу.

В его подбородок сперва чуть не ударил локоть, пока она переносила руку через его бедра ближе к креплению ремня, а потом и ее мокрый затылок. Влажные волосы девушки, пахнувшие дождем и остаточными нотами шампуня, неприятно облепили его скулы и пытались забиться в рот. Мужчина не выдержал и раздраженно оттолкнул налетчицу, явно не рассчитав силы, потому что оказавшееся неожиданно легким и хрупким женское тело при этом больно ударилось о руль. Тело взвизгнуло, резко подскочило, ударив-таки его в подбородок затылком, и разразилось весьма неинтеллигентным матом, с нелогичными угрозами бросить его здесь и, одновременно, дать в челюсть, как только выберутся из машины. Ян замер. С облегчением услышал щелчок открывающегося замка ремня безопасности и почувствовал, как резко ослабло давление на грудную клетку. Девушка, тем временем, быстрым движением поднялась с его колен:

—Все! Давайте быстрее— выбираемся отсюда, дебил дерганый!— обиженно произнесла она.

Ян подумал было обидеться, несколько раз моргнул, пытаясь сосредоточиться на ее лице, но сфокусировать взгляд так и не смог, из-за чего испугался и обижаться решил попозже. «Сотрясение»— обреченно подумал он, одновременно понимая, что сильно болит левый висок. Превозмогая боль в самых неожиданных местах, мужчина попытался выбраться из машины. Ноги дрожали противной мелкой дрожью, ныли ребра. Стоило ему покинуть кабину и попытаться выпрямиться, как его накрыло темнотой и сильным приступом тошноты.

—Держитесь! Ух, тяжелый какой!— услышал он, через мгновение приходя в себя повисшем на плечах девушки.

—Да-да... сейчас отпустит... я сам— голос был хриплым, в глазах упорно темнело.

—Держитесь уж! Надо быстро выбираться на дорогу!— сварливо прошептала в ответ спасительница и начала двигаться вверх по склону канавы, придерживая его за торс— сейчас еще как рванет!

Ян машинально оглянулся на разбитый внедорожник. Над капотом откровенно плясали оранжевые языки пламени, яркими пятнами мелькая в черном дыме, валившем густыми клубами вверх.

—Не рванет. Это только в американских боевиках от двух столкнувшихся велосипедов грибок, как от ядерного взрыва— устало просипел он.

—Ну Вам-то виднее, конечно. Вы, видимо, специалист по взрывам аварийных автомобилей. Давайте побыстрее выбираться— ответила «язва».

Мужчина был очень тяжелым. Хотя толстым Кася бы его точно не назвала и, даже, краем мысли успела отметить, что торс, который она сейчас обнимала, покрыт весьма внушительными мускулами. Он был значительно выше ее (в принципе, это было не сложно

с ее ростом в сто шестьдесят шесть сантиметров, но вот как-то по жизни мужчины попадались ей в основном низкорослые) и был значительно тяжелее! Она не назвала бы себя стройной— как любая девушка, Кася, конечно, знала свои проблемные места, поименно была знакома с каждой лишней складочкой на талии, ямочкой на попе и нехваткой каждого сантиметра и объеме бюста. Она была, как приятно говорить, нормального телосложения. Не пончик, конечно, но вот худышкой ее тоже назвать было сложно. В нужных местах имелись округлости и впадинки, сильный перепад в талии делал ее фигурку похожей на песочные часы, но с меньшими объемами, чем принято их себе представлять. Короче— обычная такая и симпатичная, с острым подбородком, слегка раскосыми зелеными глазами, забавными редкими веснушками и целым водопадом рыжевато-каштановых волос до талии. А вот мужчина, который в полубессознательном состоянии повис на ее женских плечах, был в сравнении с ней просто великаном! Пусть и пропорционально сложенным и подкаченным.

Пока они преодолевали три метра наклонной плоскости из кювета на асфальт, он пару раз полностью отключался, от чего буквально падал на нее, роняя их в придорожную грязь. Каблуки не давали съехать обратно в канаву, Но и устойчивости не добавляли, Ноги уже по щиколотку погружались в размытую почву, подол короткого сарафана был безнадежно испорчен и Кася даже умудрилась ободрать колени. На эти несколько шагов у них ушло немало времени. Когда, наконец, ее подошвы коснулись асфальта, Кася облегченно чуть не осела на дорогу. За спиной весело горел джип.

Пройдя вместе с ней еще несколько шагов, мужчина упал на колени прямо на мокрую дорогу и тихо застонал.

—Вам плохо?— наклонилась к нему Кася.

—Отойдите, пожалуйста. Меня тошнит. Вырвать может...— не поднимая головы ответил он.

—Пойдемте к моей машине. У меня есть вода.

—Не могу. Извините... Я тут останусь. Мне не встать...Голова...— простонал человек и завалился на бок.

Кася испугалась. Внешних травм видно небыло— ни крови, ни открытых переломов, с выглядывающими костями. Скорее всего сотрясение, подумала она, и начала судорожно вспоминать, что делать.

—Подождите минутку! Я сейчас! Только не спите!— Кася побежала через дорогу к своей машине, на середине пути поскользнувшись в луже, сломав каблук и упав на асфальт. Громко стелая и проклиная этот гадский день и этот гадский дождь, она похромала-таки до автомобиля.

«Даже машину не закрыла и не заглушила!»— в шоке осознала она, вваливаясь в теплый салон, наполненный музыкой из магнитолы. На сиденьи валялся забытый сотовый с двадцатью пропущенными звонками от переживающей Софии. Кася всхлипнула, глядя на ободранные ладони и колени, содрогнулась от волны тепла, окутавшего озябшие ноги и плечи, и начала быстро собирать нужные мелочи— бутылочка воды, влажные салфетки, плед и подушечка с заднего сиденья, аптечка и коврик для йоги из багажника. На последок, заглушив-таки автомобиль и захватив телефон, девушка нажала на брелоке кнопку центрального замка и, хромя на обломанном каблуке, кинулась обратно.

Глава 3

— Эй! Не спать, я сказала! Нельзя!

Ян поморщился. Этот высокий голос последний час методично выводил его из манящей темноты, не давая заснуть и забыться.

— Не сплю я...

— Не холодно?

— Нормально... сколько уже времени прошло?

Кася вздохнула. Сквозь прикрытые веки он заметил загоревшийся дисплей ее телефона.

—Часа полтора. Скоро приедут уже, потерпите чуть-чуть еще.

—Как долго...— прошептал Ян, закрывая глаза.

—Да...

—Замерзли?

—Нормально. Я потерплю. Осталось недолго – в этом месте ее голос прервала явная дрожь и стук зубов.

—Идите в машину-погрейтесь! У Вас зуб на зуб уже не попадает.

—Ага! Я уйду, а Вы опять отрубитесь! Я и так чуть с ума не сошла, пока разбудить Вас пыталась!

—Я не отрублюсь. Я буду очень стараться— улыбнулся Ян

—Давайте вместе в машину переберемся?

—Я не могу. Мы пытались уже— грустно ответил мужчина, со стыдом вспоминая, как его вывернуло прямо на изящные ступни девушки, когда он попытался подняться в прошлый раз, и как завертелась перед глазами дорога, пока он падал обратно на заботливо подложенный ею коврик для йоги...

Кася очень быстро вернулась обратно, однако мужчина снова успел отключиться. На оклики не реагировал и девушка, тряся его за плечо, уже почти впала в истерику от испуга, когда услышала его стон. Шлепнув его пару раз по щеке (для профилактики и от переизбытка чувств и зря растраченных нервов), Кася услышала пару бранных слов и непечатных выражений в свой адрес, от чего в облегчении чуть не расплакалась.

Дальше были две тщетные попытки транспортировки мужчины к ее автомобилю, которые закончились вышеописанным конфузом, долгим уверением страдающего от стыда человека, что ничего страшного не произошло, отмыванием ее голых ног от последствий в ближайшей холодной грязной луже и принятым решением оставить пострадавшего на месте— чем сильно успокоили Яна, который боялся испачкать результатами своих рвотных позывов чужую машину. Была и другая внезапно вскрывшаяся проблема, которая даже в большей степени повлияла на отказ от мысли о транспортировке мужчины к теплему автомобилю: стоило ему только попытаться подняться, как поясницу пронзала острая боль и правая нога немела и переставала работать. Налицо были все симптомы, как им казалось, какого-то скрытого повреждения позвоночника, или чего— то в этом роде (поскольку ни один из молодых людей медицинским образованием похвастаться не мог, то ничего кроме испуганных возгласов по поводу данного состояния они сообщить друг другу не могли). Тем более, что путем несложных логических заключений, они выяснили, что в ее трехдверный А-150 он просто не поместится— сидеть он не мог, забраться через откидное сидение назад тоже, да и на передних сиденьях, как бы сильно он не скрючился, лежа он бы просто не поместился из-за своих габаритов. Тут пригодился захваченный коврик для йоги— лежать на нем было все равно лучше, чем на голом асфальте. Мужчину знобило— от нервов, стресса и просто от открытого холода. Укутав его пледом, который тут же начал планомерно намокать под мелким дождем, Кася обтерла его лицо и испачканные руки влажными салфетками. «А, кстати, лицо-то очень даже ничего»— машинально подумала она, оттирая грязные следы с твердого подбородка с интригующей ямочкой посередине, отмечая острые скулы, нос с небольшой горбинкой и просто неприлично длинные и густые ресницы, прикрывающие сейчас серые глаза уставшего брюнета. Кася дала ему немного воды и сбегала обратно в машину за зонтиком, который раскрыла над ними, примостившись на захваченной из машины подушечке у плеча несчастного.

—Сейчас позвоню в службу спасения...

–Подождите– перебил Ян– можно сперва моему помощнику позвонить? Он сам все устроит. Так быстрее.... и безопаснее...

–А.... ну да... конечно...

Мужчина никак не мог сконцентрировать взгляд на дисплее. Пришлось Кася самой набрать продиктованный номер. К телефону долго не подходили.

– Да!– рывкнул в трубку минуты через две грубый мужской голос, явно заспанный и недовольный.

– Здравствуйте! Меня зовут Кася, мы тут с Вашим другом на дороге...

– Дайте мне!– настойчиво забрал у нее трубку Ян– Макс, это я. Попал в аварию, возвращаясь в город... Нет, не доехал еще... Где-то за переездом, недалеко, прямо на трассе... Не знаю, жив... Голова, спина и тошнит.... Как машина...трындец машине. Догорает... Давай, жду.– Спасибо!– сказал он со слабой улыбкой, откидываясь обратно на коврик и отдавая Касе трубку. –Он скоро будет и все уладит. Теперь надо просто подождать.

–Ага...– меланхолично протянула девушка, убирая телефон в карман.

–А Вы Тася, значит? Меня Яном зовут. Спасибо, что остановились– прикрывая глаза устало произнес мужчина.

–Кася...

–Что?

–Не важно. Не за что. Любой бы остановился...

–Что-то никто не останавливается вот только– с улыбкой произнес он.

–Так, вроде, за это время и не проехало больше никого– хмуро ответила она– прямо мистика какая-то...

–Да какая мистика... прошло-то минут пятнадцать-двадцать... да и ночь уже... У Вас зубы стучат. Вы замерзли.

–Да, очень. И промокла. Я сбегаю в машину на пару минут?

–Конечно! Я точно никуда не денусь– грустно улыбнулся Ян.

–Ага... прошептала дрожащими губами Кася, плохо уже понимая, что он говорит, и кинулась к машине.

Влетела в салон, не понимая, как вообще смогла онемевшими пальцами нажать кнопку на ключе, врубила на полную печку и подогрев сиденья. Затряслась от ощущения отогревающейся попы. Сотый раз прокляла свой сегодняшний внешний вид и «тягу к прекрасному». В общей сложности, она провела в машине минут пять, постоянно глядя через стекло на лежащего на обочине мужчину. Он неловко жался в комочек, пытаясь как можно большей площадью тела поместиться под стоящий в изголовье зонтик. «Не пойду под дождь! Я не обязана тоже там мерзнуть!»– хмуро говорила себе Кася, но проклятая совесть и жалость сделали свое дело и она, злобно кутаясь в мокрый кардиган, побежала обратно.

–А вот и я! Отогрелась чуток. Вы как?– весело спросила девушка.

Ответом была тишина. Мужчина не отвечал и не двигался.

–Опять-двадцать пять.... приехали– простонала она– Эй! Не спим! Вы меня слышите? Вам категорически нельзя спать!– начала трясти Яна за плечо она.

Через пару минут человек со стоном открыл глаза:

–Вы уже вернулись? Сколько времени прошло?

–Достаточно, чтобы Вы опять успели меня напугать! Все! Конец отогреваниям. Дальше сидим вместе!– облегченно вздохнула Кася, только что чуть не впавшая в истерику от мысли, что мужчина все-таки умер, и уселась на дорогу под общий зонтик.

За час она успела рассказать Яну о Софии и ее бесконечных курьезных личных трагедиях, поднять настроение несколькими забавными историями из жизни других ее знакомых, потом они вместе зачарованно смотрели, как догорает джип, радовались, правда очень недолго, прекращению дождя и вместе сокрушались, когда противная морось снова посы-

палась с неба. О себе не говорили. Ян попытался задать пару личных вопросов, но девушка корректно ушла от ответа и перевела тему— говорить о себе случайному знакомому ей не хотелось— хвастаться, особо, нечем, а жаловаться не позволяла гордость и уверенность, что такому успешному человеку (Ну а как же? Дорогая машина в кювете, стильные джинсы, не отлученное от спортзала тело...) будут непонятны, да и просто неинтересны ее проблемы. Ну на самом деле, о чем можно ему рассказать? О нудной, хоть и неплохо оплачиваемой работе в большой фирме? О репетиторстве и домашних переводах? О сложных отношениях с родителями и еще более сложных с Марком? (кстати, вот их точно пора заканчивать!). Нет уж! Это не тема для беседы с едва знакомым человеком. А не пуская в свою личную жизнь, Кася посчитала неприличным спрашивать о чем-то и его.

Ян также не спешил говорить о себе. Для начала, он так и не разобрался в причинах аварии. Все указывало на то, что он сам, будучи в здравом уме и трезвой (ну почти— бокал вина, выпитый за обедом, давно должен был выветриться) памяти на полном ходу улетел в кювет. Ситуация, с его точки зрения, просто нереальная. Значит, какое-то внештатное и из ряда вон выходящее стечение обстоятельств каким-то образом повлияло на неблагоприятный исход его путешествия. Во— вторых, Ян, как человек достаточно известный в определенных кругах, давно научился не рассказывать не внушающим доверия или просто малознакомым личностям о своей жизни и сфере своей деятельности. Ну а если ограничивать рассказ о себе рамками сегодняшнего дня, то его история на тему «Как я провел этот четверг» и вовсе могла напугать и напрочь испортить все приятное впечатление о нем, если оно и успело сложиться. Ибо всем мужчинам прекрасно известно, что женская солидарность— великая вещь! Она не работает только тогда, когда ее заглушает женская ревность. А сегодняшняя, весьма некрасивая, хоть и эмоционально яркая сцена расставания с Лизой (и это если упустить из виду причины этого расставания!), как никакая другая четко попадала под графу «все мужики козлы», а, может даже «ты монстр и ненормальный». После такого рассказа Ян, без сомнения, мог продолжить лежать уже на голом асфальте в гордом одиночестве в ожидании своего помощника, наблюдая, как с проворотами от резкого старта улетает в ночь автомобиль его нечаянной знакомой, обдав его, на прощание, грязной водой из лужи.

Так и сидели дальше— совершенно незнакомые. Кася машинально теребила кулон-монетку на шее, мужчина жался от холода и вздыхал. Даже ее имя Ян произносил неправильно— Тася— а девушка решила не загружать его частенько уплывающее сознание такой ненужной информацией, как правильное имя— не все ли равно? Иногда мужчина начинал засыпать и тогда Кася непреклонно и строго будила его, поглядывая на часы на дисплее телефона. Время тянулось просто бесконечно.

Макс и сопровождающий его эшелон вспомогательных служб налетели внезапно и все сразу. Только что Ян с тоской смотрел на темную трассу, отрешенно понимая, что окончательно околел на холодном асфальте и в сотый раз, наверное, украдкой пытаясь рассмотреть лицо своей спасительницы, что совершенно не получалось (во первых, она села спиной к фонарю и ее лицо постоянно оставалось в тени— все, что Ян мог понять, что она маленькая, худенькая и с длинными волосами, которые горели красным огнем в свете фонаря и бликовали всполохами горящего в кювете автомобиля. А, во вторых, дурацкое сотрясение дезориентировало его в пространстве, напрочь лишая возможности рассмотреть близстоящие предметы). Поэтому, чтобы не раздражаться, Ян смотрел вдаль, на убегающую в темноту дорогу, в надежде увидеть фары машины своего помощника. Казалось, он только моргнул— а эскадра из 5-ти автомобилей уже стоит на обочине. Из габаритной «инфинити» быстро бежит к нему Макс, шлепая по лужам своими огромными армейскими ботинками. За ним следом спешат сотрудники скорой помощи из второй машины. Вот, стоя на обочине, о чем-то монотонно переговариваются дорожные полицейские и страховой агент. Цокая языками, что уже можно не торопиться, разматывают шланг пожарные.

Макс плюхнулся на колени возле своего шефа и заглянул под зонт:

–Ну ты, блин, даешь! Нормальная развлекуха в двенадцать ночи-то!– пробасил он, заставляя Яна поморщиться от громкого голоса– давай-ка поднимем тебя-нечего на земле лежать! Так и воспаление легких схватить недолго!

Касю как-то сразу оттеснили в сторону. Пару раз к ней обратились. Сперва медики-не пострадала ли она? Потом полиция– не является ли она участником ДТП? Только свидетель? Тогда вот вам бланк, опишите все подробненько и телефончик оставьте для связи. Потом огромный страшный друг Яна: «никаких «протокольчиков», отдай бумажку, мы сами все напишем и уладим. Гуляй уже отсюда.»

А потом все как-то разом разъехались и все стихло!

Уехали пожарные, залив уже слабо дымящийся джип белой пеной, уехали полицейские и очень вежливый страховой агент, похлопавший ее мимоходом по плечу. Уехал огромный автомобиль со страшным Максом, который сопровождал машину скорой помощи, увозящей в себе Яна, все еще закутанного в ее плед и даже не оглянувшегося на девушку, пока его укладывали на носилках в машину. Кася стояла посреди темной трассы на коврике для йоги, пытаясь балансировать на одной ноге, периодически, тяжело опираясь на носок второй, со сломанным каблуком, и смотрела, как ветер уносит прочь ее раскрытый, уже никому не нужный зонтик.

Через минуту она громко разрыдалась в голос.

Глава 4

Трепль дверного звонка пробивалась сквозь туман лихорадочного сна и как ножом резала по ушам Каси. Она попыталась открыть глаза и тут же снова зажмурилась. Под веки будто кто-то засыпал песок, а горло сводило резкой судорогой боли от первой же попытки сглотнуть. Казалось, что на голову намотан большой ватный матрац, который непомерной тяжестью придавливает голову к подушке и сквозь толщу которого с трудом проходят посторонние звуки.

–Кто там...-попыталась крикнуть Кася, но вместо звуков из горла вылетела только пара сиплых хрипов. Девушка раздраженно поморщилась и попыталась прокашляться, от чего зашлась каркающим приступом и со стоном схватила за больное горло.

Звонок не умолкал. Теперь к нему добавились возмущенные удары в дверь и звонкий женский голос, слегка приглушенный массивом входной двери:

–Каська, открывай немедленно! Перестань меня пугать! Я сломаю дверь!

«София...»-обреченно узнала Кася. Эта не уйдет. А на ее вопли сейчас прибежит противная соседка...

–Уже иду!– попыталась было прокричать в ответ девушка, но издав снова только сиплый стон, устало вздохнула и начала сползать с кровати.

Процесс слегка затянулся– скованное ломотой тело никак не желало слушаться. Пришлось плюхнуться на пол на четвереньки и, непрерывно постанывая, пытаться подняться хотя бы до полусогнутого состояния. Время шло, София бесновалась за дверью:

–Я слышу, как ты там возишься! Немедленно подай признаки жизни, зараза! Я чуть с инфарктом не свалилась, пока тебя нашла!

«Какое счастье, что у меня такая маленькая квартирка...»– неожиданно подумалось Касе, пока она, с поистине черепашьей скоростью, плелась из комнаты к входной двери, держась за стенку для сохранения равновесия.

София влетела в квартиру, казалось, одновременно с поворотом ключа в замочной скважине, чуть не сбив с ног едва стоящую Касю.

–Ты здесь!– тоном обвинителя громко произнесла она.

Кася поморщилась от громкого голоса и, машинально захлопнув дверь, устало поплелась обратно на кровать.

–Фи! Что за гадость? Воняет то как...-с гримасой отвращения протянула София, поддев острым носком модных ярко-желтых туфель явно тухнувший у двери мокрый комок тряпок, когда-то бывший дорогим кашемировым кардиганом и нежным шифоновым платьем. – Надо убрать и выбросить... Стирать уже точно нечего... Ты чего прячешься? Я тебе звоню-звоню... ломилась в квартиру Марка– там никого. А, кстати, где он? И, если тебе позвонит охрана из его дома– то это была я! На работу звонила уже? Они знают, что ты заболела? А этот гад даже не приехал, что ли? Он, вообще-то, должен за тобой сейчас ухаживать!!!

Вопросы сыпались из подружки, как горох. София прошла в комнату, не снимая своих дорогих туфель и не прекращая монолога, постоянно перебивая сама себя.

Кася даже не пыталась ответить. Марш– бросок до двери окончательно вымотал ее и она рухнула на смятые простыни не снимая мохнатых тапок, зарывшись лицом в подушку.

–О! Ты отправила смс начальнику два дня назад, что заболела! Молодец! Значит не уволят, за прогул в пятницу!– Кася озадаченно взглянула на Софию, чуть приподняв с подушки лицо. Та с интересом рылась в ее телефоне, удобно устроившись в синем плюшевом кресле и нисколько не смущаясь присутствия хозяйки. Переживание за рабочее место было так типично для Софии! В принципе, имея возможность вообще не работать, благодаря поддержке обеспеченных родителей и систематических финансовых вливаний со стороны своих многочисленных любимых мужчин, девушка, между тем, очень гордилась полученным исключительно собственными потом и кровью медицинским образованием и искренне любила свою работу в престижном медицинском центре.

– А от Марка ни звонка, ни поцелуя? Вот урод! – продолжала она свой монолог– По моему, это наглядно демонстрирует его дешевенькую натуру и дает тебе все права послать его куда подальше без объяснения причин! Ты чего молчишь-то?– спохватилась София. Кася молча красноречивым жестом обхватила ладонью горло и, подобно рылке, пару раз открыла и закрыла рот.

–Голоса нет? Совсем? Офигеть! А я думаю-куда ты пропала? Позвонила мне два дня назад под утро, рассказала, что какой-то мужик в аварию попал и ты его спасала. И пропала! И никаких деталей! Что за мужик? Какая авария? Я же волнуюсь! Звонит мне, рыдает и пропадает! Я пол города на уши подняла, пока тебя искала! – трещала подруга.

–Извини– просипела Кася, и с удивлением отметила, что звуки все-таки появились из ее воспаленного горла– я пока до дома добралась– затемпературила. А дальше ничего не помню.

–Так думать надо! Ого! Тридцать девять почти!– ужаснулась подруга, поднося к глазам термометр с прикроватной тумбочки– На тебе лица нет! Ты врача вызывала?– взволновалась София, на всякий случай натягивая свой желтый шелковый шарфик с шеи на нос, на подобии повязки– респиратора– вдруг это заразно? Ты чем лечишься?

–Я просто простыла. Уже лучше. Не волнуйся– прошептала Кася.

–Ты почему, кстати, здесь, а не у Марка?

Кася безразлично пожала плечами. Она и сама не могла толком объяснить, почему той ночью, мокрая, несчастная и обиженная на весь мир она направилась в свою маленькую квартирку. Осознала куда приехала только припарковав свою машину возле дома, на тенистой аллею, под окнами. Почему то, даже мысль о том, чтобы сейчас оказаться в квартире Марка вызывала дискомфорт и резкое неприятие. Может быть все дело было в атмосфере его квартиры– дорогой дизайнерский ремонт и просторные, излишне помпезно украшенные комнаты всегда оказывали гнетущее впечатление на Касю, а уж в ситуации морального и физического дискомфорта, которые она теперь испытывала, став участницей вышеописанных событий, ей еще больше, чем обычно хотелось уюта и умиротворения. А может свою роль играло то, что квартира только номинально принадлежала Марку и она никогда не чувствовала себя в ней как дома. Фактически, это была квартира одной из его многочисленных

тетушек, которая после смерти хозяйки отошла его матери. Роза тут же заказала претенциозный дизайн-проект у модного дизайнера и с помпой «подарила» обновленную жилплощадь сыну на его очередном дне рождения, в шикарном ресторане, в присутствии многочисленной родни и друзей семьи. Однако, тот факт, что в «удобной квартирке в самом центре и недалеко от филармонии» сейчас жил Марк с Касей, отнюдь не мешали Розе большую часть времени проводить там же, регулярно ночуя в уютной гостевой спальне, дабы самолично следить за тем, чтобы гениальному скрипачу не приходилось испытывать хоть малейший бытовой дискомфорт в повседневной жизни— начиная от правильного завтрака и заканчивая идеально накрахмаленными сорочками для концертного фрака.

Нельзя сказать, что Роза недолюбливала Касю. Она ее слепо ненавидела со всей силой своей еврейской материнской души. В девушке ее не устраивало буквально все: Кася была слишком самостоятельной, не имела нужных связей и влиятельных знакомых, не была богата и не имела богатых родственников, готовых в перспективе скоростаживно скончаться. Но, самое главное, она не была иудейкой. Хрустальные мечты Розы о том, что ее единственный и горячо любимый сын женится на скромной (но с большим потенциалом) еврейской девушке разбились вдребезги в тот злосчастный день, когда Марк познакомился с Касей на спонтанной вечеринке у своих друзей. Все надежды Розы на кратковременность этого увлечения мучительно умерли к концу второго года совместной жизни молодых людей. Роза смирилась. Но не сдалась! Она начала методично и неустанно третировать невестку. Причем делала это настолько изящно и продуманно, что предъявить заботливой мамочке какие либо претензии по этому поводу просто не представлялось возможным. Роза неожиданно затевала ремонты и перестановки в квартире (конечно же не согласовывая с Касей!), выливала в туалет с трудом приготовленный ужин, чтобы тут же начать готовить его самой, но уже «правильно», делала замечания относительно ведения хозяйства и устройства быта, внешности и манеры поведения девушки: «Ах, милая! Если Вы таки так вытираете пыль, то как же вы бы ее разводили?»; «Солнышко, суп стоило таки сварить, а не испечь. И не заставляйте мальчика Вам врать относительно вкуса этого блюда— пусть даже не пробует. И, таки, и не согрешит и останется жив! Мир не должен потерять еще одного гения! Чайковский умер, Гайдн умер, у меня вот тоже что-то сегодня голова побаливает... Марк нужен нам живым и здоровым!»; «Ой, моя милая! Вы так поправились! Но таки Вам очень идет! Особенно в этом платье— в том году оно сидело на Вас хуже!» коверкая в истинно— одесской манере русские слова, жизнерадостно щебетала Роза. К слову сказать, Марк категорически отказывался участвовать в «бабских склоках». Он твердо держал нейтралитет, в меру своих сил пытаясь примирить враждующие стороны, что категорически не устраивало уже Касю. Та была уверена, что мужчина обязан всегда и во всем поддерживать свою женщину. Вообще-то, Роза тоже имела по этому поводу свою точку зрения. Она была уверена, что «таки жен у мужчины может быть сколько угодно и даже одновременно! А мать у тебя одна!». К счастью, ее попытки достучаться до сына также были безрезультатны. Неизвестно, чем заканчивались жалобы Розы на невестку (такие разговоры между матерью и сыном всегда происходили либо в отсутствии Каси, либо при демонстративно закрываемых дверях). Но вот любые попытки пожаловаться Марку на его не в меру заботливую родительницу приводили к ссорам и скандалам, виновата в которых опять же оказывалась Кася. При этом, молодой человек пытался уверить Касю, что Роза искренне ее любит и просто пытается помочь девушке, заботится о ней, как о родной. Ну да, допустим, в своем непередаваемом стиле и в меру своей эксцентричности. Касе приходилось снова извиняться и, скрипя зубами, терпеть дальнейшие унижения. И, надо сказать, Роза была как никогда близка к цели— Казино терпение было на исходе и мечты мамы о знакомстве Марка с весьма перспективной Сарочкой, дочерью уважаемых и достойных банкира (папы) и врача— гениколога (мамы), обещало состояться буквально со дня на день. Но тут, весьма не вовремя, мальчик уехал в очередное турне,

предоставив таким образом девушке временную передышку в общении с его мамой. Таким образом Кася уже почти успокоилась и проблемы, как часто бывает в таких случаях, стали меркнуть в ее памяти и казаться, по большей части, надуманными. Однако окончательная ремиссия еще не наступила и в данный момент Кася застряла где-то посередине между желанием разом все закончить и осознанием преувеличения степени критичности ситуации, все чаще склоняясь к мысли, что отношения с Марком несут в себе больше положительных эмоций, чем отрицательных.

Если бы не София.

Нельзя сказать, что София недолюбливала Розу. Она не выносила ее физически!

Девушку нисколько не смущало, что сама она весьма спорно может считаться участницей этих непростых отношений— София защищала Касю со всем пылом своего, горящего праведным гневом за подругу, сердца. В отличие от Каси, она не видела смысла молчать и терпеть выходки «еврейской мамашки». Их нечастые встречи, после очередных слез Каси по телефону, регулярно заканчивались громкими скандалами, которые разносились по квартире вычурными оскорблениями («Белобрысая пипетка» или «Пергидрольный гном» с одной стороны и «Причина геноцида еврейского народа» с другой), а также специфическим запахом валокордина. Марк несколько раз просил Касю оградить его маму от встреч с Софией. Но, поскольку, такие встречи происходили в стенах квартиры Марка (которая номинально считалась и Касиным домом), то девушка закономерно возражала, что инициатором встречи можно смело считать именно Розу, так как это она пришла в гости без предупреждения, неожиданно, что не давало возможности для маневра и предотвращения встречи конфликтующих сторон. На это молодому человеку возразить было нечего и, печально вздохнув, Марк, как обычно, уходил от неприятной ему темы в мир скрипичных концертов и сложных партитур, оставив решение конфликта на волю случая и классическое «авось». А София, чувствуя сладкий вкус победы, продолжала свои террористические действия в отношении Розы, хоть как-то компенсируя этим моральный ущерб, наносимый подруге.

—Ой!— взвизгнула София и чуть не выронила телефон, который неожиданно зазвонил у нее в руках— вспомнишь-вот и оно... -пробубнила она, вскакивая с кресла и передавая Касе весело трезвонящую трубку.

Кася недоуменно взглянула на подругу.

—Что?— удивленно спросила София и снова взглянула на дисплей телефона— Это твой Марк ненаглядный. Возьми!

Кася устало вздохнула и снова демонстративно издала сиплый стон, обхватив ладонью больное горло.

—А! Ну да.. Ты же не можешь...— пробормотала подруга и сама ответила на звонок— Але! Хэлло, Марк! Ага, я! Рядом. Только она говорить не может— у нее горло! Ну, понятно что мамуля не застала ее у тебя дома— она же у себя болеет. Да, именно, чтобы бацилы по твоей кровати не плодить и тебя не заражать, именно так...А! Так это я приходила! Ага! Да что ты говоришь? Роза в квартире была? И не открыла? Испугалась? Аж с сердцем плохо? А в глазок посмотреть? Тоже испугалась? Какой кошмар!... Не! Кася не сможет поехать за ней ухаживать— у нее горло и бацилы— не дай Бог нашу уважаемую Розу поверх инфаркта еще и ангина схватит! Ну да, ну да... передам, конечно! А ты приехать не хочешь? Ну как... чаю заварить, например, бульон куриный сварить... нет? Опять турне? Чехия? Оооо! Поздравляю! Присмотрю, конечно! Могу и за Розой съездить присмотреть... нет? Точно не надо? Ну смотри...Ага... Чао!— София нажала «отбой» и повернулась к подруге— Тебе привет!— с циничной усмешкой язвительно сообщила она.

Кася обессилено закатила глаза и откинулась на подушки.

—Нет, ну нормально? У него девушка болеет, а он думает о бацилах! И о мамочке, здоровья ей и долгих лет, блин! Отличный сын— хреновый парень... Ты долго еще будешь это

терпеть? Скажи? Пока он полностью не перестанет тебя замечать и на полном серьезе не вытрет о тебя ноги однажды, когда ты упадешь больная? Или пока его мамочка не доведет тебя до нервного срыва? Неужели он настолько тебе нужен?— бесновалась София, не замечая, что подруга с выражением страдания на лице закрыла глаза— Эй! Ты чего? Ну перестань.. Прости, милая... конечно, я не вовремя!— испуганно залепетала она, когда по щеке Каси поползла предательская слезинка, обреченно выкатившаяся из-под ресниц ее закрытых глаз. Кася молча отвернулась к стенке.

Конечно ей было бесконечно обидно! Нет, она прекрасно понимала, что фактически Марк ничем не сможет ей помочь— он же не врач! Только вчера вернулся из длительного турне и через пару дней должен будет уже уехать в следующее. Да еще и, на самом деле, может совершенно не вовремя подцепить от нее какой-то вирус (ну вдруг это правда не результат переохладения и нервного срыва, а настоящий грипп?). Но он даже не предложил ей свою помощь. Не попросил ее к телефону, чтобы, не ожидая от нее, такой несчастной и безголосой, какого-то ответа, нашептать в трубку кучу банальных, романтически-бредовых слов, от которых сразу бы потеплело на душе и поднялось настроение. Кася задохнулась от жалости к себе и судорожно всхлинула.

—Кисонька, ну что ты! Ну прости дуру! Вечно я не вовремя и не в свое дело...-зашептала София, обратив к Касе полное раскаяния лицо и положив прохладную ладонь на ее судорожно сжатую в кулак руку, распростертую по одеялу— давай чай сделаю? Хочешь чаю? Я быстро!— она вскочила с кресла, намереваясь тут же направиться на кухню, терзаемая муками совести.

Трель телефонного звонка застигла ее в дверях комнаты. София тихо чертыхнулась и вновь метнулась к креслу, на котором лежал Касин телефон.

—Ооооо..... А вот и мамочка!— злобно процедила она.

Кася с удивлением открыла глаза и протянула руку к телефону, повернувшись к Софии.

—Куда? Ты же еле шепчешь! Дай я!— и София включила телефон на громкую связь динамика— Але! День добрый, Роза Соломоновна!— радостно прочирикала она, коварно улыбаясь возмущенному вздоху на другом конце трубки и игнорируя укоризненный взгляд подруги— всем было прекрасно известно, как уважаемая Роза ненавидит, когда к ней обращаются по имени-отчеству, считая, что это значительно прибавляет ей возраст.

—Таки и Вам прекрасного дня, Софочка!— не осталась в долгу Роза, также давно проинформированная о трепетном отношении Софии к ее полному имени— Ви не поверите, но я почти не удивилась Вашему голосу! Мне под утро снились мокрые крысы, а с утра так нездоровилось и что таки я сразу вспомнила о Вас! Неужели Ви таки болеете совместно с нашей очаровательной Касориной?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.